

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИЙ

ПЕШКА
В БОЛЬШОЙ ИГРЕ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Компьютерный дизайн обложки
Орловой Анастасии

Корецкий, Данил Аркадьевич.
К66 Пешка в большой игре : [роман] /Данил
Корецкий. — Москва : Издательство АСТ,
2016. — 416 с. — (Шпионы и все остальные.
Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-095623-4

Что будет, если обычный человек случайно убьет «чистильщика» ГРУ? Или будет объявлен ответственным за пропажу «общака» преступной группировки? Или случайно вмешается в сложнейшую разработку КГБ? Он сделал все вышеперечисленное, и теперь есть только один вопрос, который требует ответа: как ему остаться в живых?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095623-4 © Корецкий Д.А., 2006
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая

Убийцей мог оказаться любой. Когда плотная фигура в коричневом плаще стремительно вышагнула из встречного потока прохожих, сердце Каймакова сжалось, и он шарахнулся в сторону, чувствуя, как холодеют наиболее уязвимые места: шея, живот, пах... Человек ошутимо зацепил его корпусом, невнятно ругнулся и бросился бежать, как сделавший свое дело киллер. Теперь должна была прийти боль, она слегка запаздывает, пока нервные волокна сопротивляются первому травмирующему организму натиску, но потом ударяет в мозг безжалостно и беспощадно, лишая с ил, надежды, а если повезет — сознания.

— Чего стоишь на дороге? — Каймакова толкнули в спину. — Лучше места не нашел!

Боли не было, только ноги промокли, и мелко-мелко дрожало что-то под солнечным сплетением. Каймаков обернулся. Коричневый плащ пробивался сквозь штурмовавшую автобус толпу. Каймаков перевел дух, вышел из заполненной мокрым снегом лужи и тяжело зашагал вперед.

«Дурдом какой-то... Так и сдвигаются по фазе! Седуксена, что ли, попить...»

В пять часов было уже совсем темно, шел мелкий колючий снежок, который тут же таял, мертво светили ртутные фонари, в крестообразных башнях, украшавших Юго-Западные высотки, горели почти все окна. Плотные человеческие потоки тянулись из метро к автобусным остановкам, ярким витринам универсама, окрестным домам, все было привычно и обыденно, кроме мгновенного взаврадашного ужаса, от которого Каймаков никак не мог отойти.

Позавчера его пригрозили убить и дали сроку два дня. Хотя он старательно успокаивал себя: мол, это глупая шутка, или какое-то идиотское недоразумение, или не менее идиотский розыгрыш,— но пережитый страх наглядно продемонстрировал, что угроза оказалась убедительной. Хотя выглядела она, как фарс.

Его остановил на улице крепкий парень с уверенными манерами и решительным лицом, придержал за рукав и спокойно-ненько так сказал:

— Брось это говенное мыло! Тут не шутками пахнет, ты мафии на хвост наступаешь. Не успокойсья — тебя убьют.

— Что? — переспросил Каймаков не своим, каким-то писклявым голосом.— Вы кто такой, гражданин...

Парень криво усмехнулся. У него были расплющенный нос и золотая коронка.

— Я и есть мафия,— проникновенно сказал он.— Два дня сроку, а потом ты покойник! Засадят маслину в башку, и все дела... Понял?

Парень повернулся и неторопливо пошел к красной «девятке» без номеров. Каймаков оцепенело смотрел, как автомобиль плавно тронулся с места...

«Ерунда! Так не угрожают... И мафия себя так не называет...»

Каймаков втиснулся в троллейбус, проехал две остановки и, изжеванный, вывалился опять в изморось и слякоть.

«Черт, забыл в универсам зайти! Пельмени сварю, полпачки осталось... Может, кто-то из ребят решил „на пушку“ взять... А может, торгаши, им-то действительно огласка ни к чему...»

Он обошел магазин «Союзпечать» и побрел вдоль верениц иностранных машин — слева располагался консульский дом — в глубь квартала, к своей девятиэтажке.

Залепленные снегом «вольво», «ниссаны» и «мерседесы» выглядели бесхозными и заброшенными. У некоторых из пустых глазниц фар торчали обрывки проводов, шеголеватый «фольксваген-пассат» заметно накренился: вместо колес с одного борта его подпирали столбики кирпичей.

Милицейский пост функционировал, как и всегда: один сержант стоял в тесной стеклянной будочке, другой, тяжело переставляя обутые в валенки ноги, прохаживался по дороге. Но если раньше вид внушительных, затянутых в форму фигур вызывал у Каймакова чувство защищенности, то сейчас беспокойство ничуть не уменьшилось.

Наверное, оттого, что раньше не грабили столь нагло и безбоязненно охраняемые автомобили и не грозили убийством прямо на оживленной улице.

«Что захотят, то и сделают,— подумал Каймаков, глядя, как сержант проходит мимо серебристой „ауди“ с бельмом полиэтилена вместо лобового стекла.— Такое время наступило — каждый за себя... Надо было брать тогда газовик за две штуки, сейчас баллончик вдвое больше стоит...»

Возле дома стоял санитарный фургон с включенным двигателем.

«Чего, интересно, они бензин жгут? Видно, печку гоняют...»

С номерного знака сполз пласт снега. Каймаков заметил цифры: «43—23». Так заканчивался номер его служебного телефона. Цифры почему-то всегда путали. Димка Левин, психолог, сказал даже, что это самая незапоминающаяся комбинация цифр. А сколько развелось чудиков, которые тысячи на тысячи перемножают, делят и все в уме за несколько секунд...

Впервые за вечер Каймаков отвлекся от тягостных размышлений, но тут же к ним вернулся. Его подъезд зиял зловеще черным провалом. На днях в доме привели электрику в порядок, и соседние подъезды ярко освещены, а тут лампочка не горит ни над дверью, ни внутри... Конечно, могли разбить мальчишки, могли и вывинтить, нынче все дефицит.

И все же... Первый этаж нежилой — с той стороны обувной магазин, и темнотища... Обивая сапоги о решетку, Каймаков за чем-то прокашлялся, воровато осмотревшись, приоткрыл «дипломат», сунул в узкую щель руку и извлек прихваченное с работы, именно на такой или похожий случай, самодельное шило — двадцатисантиметровое стальное жало, чуть сплющенное на конце, чтобы ловчее прокрутить дырку в самой толстой папке, насаженное на прочную деревянную ручку.

Входя в темный дверной проем, он опять откашлялся, выставил перед собой шило, а голову прикрыл «дипломатом».

«Дон Кихот сраный»,— подумал Каймаков, представляя, как выглядит со стороны. Он, конечно же, не рассчитывал таким образом защититься от реальной опасности, просто для самоуспокоения имитировал меры самозащиты, но понимал, что если навстречу выйдет сосед с фонариком, то прослышет он полным идиотом, а потому испытывал неловкость, сглаживая которую бурчал что-то недовольное себе под нос, сдавленно чертыхался, нащупывая очередную ступеньку, громко шмыгал носом и покашливал.

Если бы кто-то стоял в подъезде, поджидая Каймакова, то по этим звукам он бы хорошо представил, как тот, наклонив голову, беспомощно нащупывает в полной темноте ступеньку за ступенькой и тихонько поругивается от собственного бессилия.

И человек, который затаился за выступом мусоропровода, представил именно такую картину, не подозревая, естественно, о двадцатисантиметровом шиле с чуть приплюснутым жалом, а потому, когда наступил нужный момент, не остерегся, а, вышагнув навстречу жалко бормочущему человечку, послал могучий корпус вперед, одновременно резко опуская правую руку, и всей тяжестью тела напоролся на острую сталь, с хрустом проскользнувшую между ребер по самую рукоятку.

Все произошло настолько быстро, что Каймаков ничего не понял: в кромешном мраке вдруг материализовалась темная масса, послышался утробный «хекающий» звук, шило легко вошло в мягкую ткань и вырвалось из вмиг вспотевшей ладони одновременно с чувствительным ударом по прикрывающему голову «дипломату».

Каймаков рванул вверх, прыгая через несколько ступенек, а темная масса с хрипением вывалилась из подъезда, теряя что-то, звякнувшее о цементный пол.

Опомнился Каймаков уже в прихожей, когда дверь была заперта на оба замка и закрыта на цепочку. По-звериному осматриваясь и шумно втягивая воздух, он проскочил на кухню, схватил топорик для рубки мяса, после чего осмотрел всю квартиру, заглянув даже в кладовку, на антресоли и под кровать. Потом обессиленно опустился в кресло, ощущая противную мелкую дрожь во всем теле.

Голая, без абажура, лампочка освещала убогое убранство единственной комнаты: трехстворчатый с зеркалом шифоньер образца начала шестидесятых, купленные у Димки Левина тахту и письменный стол, древний черно-белый телевизор на длинных ножках и расшатанное кресло из комиссионки. Ремонт и приобретение мебели откладывались «на потом», когда Каймаков защитится наконец, станет на ноги, разбогатеет. При нынешних ценах эти планы не удалось бы реализовать, даже если бы диссертацию признали докторской. Поэтому то, что ее зарубили, никакого практического значения не имело.

Впрочем, сейчас практическое значение имело только одно: то, что произошло в подъезде несколько минут назад. Сраный Дон Кихот своим ржавым идиотским мечом ткнул кого-то из

соседей. Какие это может иметь последствия для человека, вся жизнь которого состоит из нескончаемой череды неудач? Похоже, дело кончится тюрьмой.

Сильно забарабанили в дверь. Каймаков вздрогнул и поднял топорик.

— Кто здесь? — хрипло спросил он.

— Открывай, Сашка! — возбужденно ответил знакомый голос. — Вы что, вымерли тут? К Симонянам звоню — молчат, к Егоровым — тоже... Знаешь, что я сейчас видел?

Вовчик возбужденно подпрыгивал — эта манера прибавляла два-три из недостающих пятнадцати сантиметров роста.

— Подхожу к подъезду, а оттуда — мужик! — не здороваясь, продолжал он. — За сердце держится и бабах — с копыт! Хорошо, рядом «скорая» стояла. Оттуда два лба выскочили, запихали его внутрь и погнали... Повезло мужику! Обычно они два часа едут, сволочи!

— А что за мужик? Незнакомый, что ли? Или из наших?

— Какой «из наших»! На борца похож — здоровый, без шапки, волос короткий...

Вовчик осекся.

— И эти, доктора, такие же... Как нарочно — бугаи, почти наголо острижены. Вот совпадение! Сволочи! — Вовчик был недоумен жизнью и для характеристики тех, кто, по его мнению, делает ее такой паскудной, использовал одно универсальное слово, разнообразя его только интонациями. Сейчас он не придал ругательству эмоциональной окраски, значит, прозвучало оно для порядка, чтобы не перехвалить быстро сработавших докторов.

— Ну, а ты как? — Вовчик перестал подпрыгивать и осмотрелся. — Все холостякуешь? Хорошо: захотел граммuleчку пропустить — никто не мешает...

— Нету ничего! — Каймаков начал теснить коротышку к двери, но тот не спешил прощаться.

— Как нету? Недавно покупал две бутылки...

Каймаков шелкнул замком.

— А где ты «дипломат» разорвал? — спросил востроглазый Вовчик за миг до того, как дверь захлопнулась.

Действительно, на черной матовой крышке появились две глубокие вмятины, от них наискось шли царапины, сквозь сорванную кожу проглядывал белый картон прокладки. На лежащей в чемоданчике папке с бумагами тоже виднелись довольно отчетливые углубления.

Каймаков пощупал макушку, потом быстро прошел на кухню, взял полиэтиленовые пакеты, надел перчатку, в которой чистил рыбу, из кладовки извлек фонарик и, прихватив топорик, спустился вниз.

Вначале он вышел из подъезда, затем вернулся вовнутрь и осветил под ноги. Почти сразу нашел то, что искал, сноровисто, будто делал это много раз, поднял рукой в перчатке и опустил в пакет сначала один предмет, затем другой.

Оказавшись в квартире, он тщательно осмотрел тяжелый с тупыми шипами кастет, примерил его к следам на «дипломате» и еще раз потрогал макушку. Шило было осмотрено так же тщательно, особенно стальное жало, покрытое почти по рукоятку бурым налетом.

Не размышляя, Каймаков придвинул телефон и набрал номер:

— Алло, на меня только что напали...

Он собирался говорить уверенно и спокойно, но не получалось — торопился, глотал слова, не мог сосредоточиться на главном... Взволнованный голос колебал мембрану микрофона, превращаясь в электрические импульсы, которые пробегали по километрам проводов, жил, кабелей и снова жил и проводов, добивались, наконец, до пульта связи дежурной части тридцать второго отделения милиции, колебали мембрану телефона, прижатого к поросшему рыжими волосами уху помощника дежурного сержанта Перцова, вновь преобразуясь в звуковые волны.

— С кастетом, ударили по голове, не знаю, что хотели...

Продельвая свой длинный путь, электрические импульсы на одном участке — в помещении телефонного узла — попадали в поле специального электромагнитного контура и наводились в параллельном проводе, раздваиваясь.

— Прямо в подъезде, домой шел, адрес...

Новые наведенные импульсы бежали своим путем, донося сдублированную информацию до специального узла связи, где она вызывала гораздо больший интерес, чем в прокуренной и провонявшей карболкой дежурке тридцать второго.

— Да нет, трезвый, я же с работы — и вообще не злоупотребляю...

Для сержанта Перцова, изнуренного муторной колготней дежурных суток с нескончаемым однообразным потоком жалоб и заявлений, еще один звонок был лишней рутинной заботой, подбрасываемой ненавистой службой.

— Ущерба нет, телесных повреждений не получил... «Дипломат» разорван, да не в этом дело... — Каймаков почувствовал, что упирается в неподатливую вязкую стену, переворачивающую картину происшедшего с ног на голову и вынуждающую его вроде как оправдываться, и ощутил злость на самого себя.

В комнате прослушивания одиннадцатого отдела Второго главного управления КГБ СССР, официально давно упраздненного, медленно крутились катушки магнитофона. Непосредственный контроль вел не сержант-оператор, как обычно, и не прапорщик-старший оператор, как бывало по особо важным разработкам, а инициатор задания, вызванный начальником смены, как только включился прослушиваемый канал.

Майор Межуев прижимал к уху обтянутый черным поролоном изящный наушник фирмы «Филипс» и тоже злился — на ленивого милицейского болвана, в силу врожденной лени и тупости отпихивающегося от факта, в который ему надлежит вцепиться мертвой хваткой.

— Как так — какие претензии?! — Каймаков дал выход злости. — Я говорю: подвергся нападению, ударили кастетом, хорошо — не попали! Нападающий напоролся на шило, упал, его увезла «скорая помощь» с номером «43—23»! Вам этого мало?!

Крик Каймакова бился в убогой комнатенке под голой лампочкой, отражался от голых с облупившимся накатом стен и улавливался приемно-передающим устройством размером с таблетку и стоимостью в двадцать тысяч долларов. Этот «клоп» в числе других специальных устройств был закуплен через посредников в одной из европейских стран для научно-технического отдела Главного разведуправления Генерального штаба Министерства обороны СССР и сегодня утром внедрен в стену за старым шифоньером оперативной группой ГРУ.

Несмотря на миниатюрные размеры, «клоп» передавал сигнал на расстояние до полутора километров. А в восьмистах метрах от дома Каймакова стоял передвижной ретранслятор, замаскированный под «аварийку» электросети. Здесь радиосигнал усиливался и направленной антенной передавался в отдел радиоконтроля, где тоже крутились катушки магнитофона, а место оператора занимал майор Синаев, воспринимавший информацию с таким же интересом, как и майор Межуев, а может быть, с еще большим. Во всяком случае, услышав про шило и номер «скорой помощи», Синаев выругался в чей-то адрес и быстро соеди-

нился по внутренней связи с начальником отдела подполковником Голубовским, подключив того к прослушиваемому разговору.

— Если вы не хотите работать, как положено, я позвоню дежурному по городу!

Хотя Каймаков кричал почти в полный голос, до вешалки в прихожей доносились только невнятные звуки, и всаженный под воротник старого стопятидесятирублевого пальто микрофон-передатчик, купленный за шестнадцать тысяч долларов через посредников в Японии для научно-технического отдела КГБ СССР, не включался, так как реагировал лишь на разборчивую речь.

Но большой беды в этом не было, потому что сотрудник отделения по установке спецтехники, воткнувший в переполненном вагоне метро «клопа» в каймаковское пальто, выполнял задание, исходившее от майора Межуева, и пульт приема, находящийся в конспиративной комнате расположенного в пятистах метрах салона «Звукозапись», обязан был немедленно передавать полученную информацию инициатору задания. А тот и так контролировал каждое сказанное разрабатываемым словом.

Угроза на сержанта Перцова не подействовала, так как вероятность ее исполнения была невелика, а возможность неприятных последствий для самого Перцова практически отсутствовала. Но раз заявитель обнаружил склонность жаловаться, следовало его успокоить. Поэтому сержант спросил фамилию, адрес и пообещал «тщательно во всем разобраться».

Каймаков положил трубку. Перестали вращаться бобины магнитофона в комнате прослушивания телефонных линий КГБ, выключился магнитофон в отделе радиоконтроля ГРУ, расслабились люди в глухом, подсвечиваемом красными и зелеными лампочками кузове «аварийной» электросети и в такой же глухой, подсвечиваемой такими же лампочками конспиративной комнате салона «Звукозапись».

Если бы социологу средней руки Александру Каймакову сказали, что к его скромной персоне будет привлечено внимание такого количества людей из столь серьезных ведомств, с затратой денежных сумм, о которых он не мог и мечтать, а одно его слово заставит встрепенуться четырех офицеров спецслужб, он бы, конечно, этому не поверил.

Но когда, входя на кухню, он в сердцах выматерился, два чутких микрофона включились и четко передали нецензурное

слово на два пульта контроля, оторвав от кофе с бутербродами двух офицеров — одного старшего лейтенанта и капитана.

После того как Межуев доложил результат прослушивания начальнику отдела Дронову, тот придвинул телефонный справочник МВД и набрал нужный номер.

Через полчаса на пульте дежурной части тридцать второго отделения милиции загорелся огонек прямого соединения с дежурным Главного управления внутренних дел Москвы. Майор Дятлов шелкнул тумблером.

— Что сделано по заявлению о нападении на гражданина Каймакова? — сухо спросил дежурный по городу. Тон его не предвещал ничего хорошего.

Дятлов заглянул в журнал регистрации заявлений и сообщений, провел пальцем по строчкам; не найдя нужной записи, принялся шуршать страницами.

— Небось не зарегистрировали, долбачи! — почти ласково сказал дежурный. — А этим делом безопасность интересуется. Думаете, я за вас свою жопу подставлю? Не-е... Через час доложить результаты!

— Тут Перцов оставался, — попытался оправдаться Дятлов, но огонек на пульте уже погас.

— Где Перцов?! — рывкнул на всю дежурку. — Живо за ним! Видно, в гараже жрет да водку хлещет!

Через пять минут потеющий и старающийся не выдохнуть ртом воздух сержант копался в мусорной корзине.

— Вот, нашел! — радостно закричал он, разглаживая смятый клочок бумажки. — Каймаков Александр Иванович, Ленинский, сто пятьдесят два! А вот и номер машины!

— Идиот! — перевел дух дежурный. — В журнал надо записывать, а не в урну бросать!

— Кто же знал, что оно так обернется... — К Перцову возвращалось обычное спокойствие. — Сейчас все оформим в лучшем виде!

Дятлов прозвонил по дежурным больницам, потом — в карточку ГАИ.

Гражданин с колотым ранением в приемные отделения не поступал. Санитарного фургона с номером «43—23» в природе не существовало, да и вообще такой номер в ГАИ зарегистрирован не был.

В журнал аккуратно вписали сообщение Каймакова, тут же указали результаты проверки и сделали вывод: не подтвердилось.

Дежурный даже послал Перцова на место. Тот бегло осмотрел подъезд, позвонил в квартиру. Отупевший от седуксена Каймаков разговаривал через цепочку: продувная физиономия сержанта и отчетливый запах алкоголя не способствовали доверию к милицмейской форме.

— Да вы не волнуйтесь,— успокаивал сержант.— Тут просто недоразумение... В больницы никого не доставляли, номера такого в природе нет... Может, что-то показалось, а может, пьяный какой чудил... В общем, ничего страшного...

Оставшись один, Каймаков еще раз осмотрел зловещие следы на шиле. Недоразумение? Но с чего это вдруг милиция так зашевелилась? На кражи, грабежи, разбой не выезжают, на письменные заявления по полгода ответа не добьешься... А тут за час все проверили да еще домой приехали отчитаться и успокоить. Что-то здесь не так... Ему стало еще страшнее.

Глава вторая

Василий Зонтиков, известный в уголовном мире под кличкой Клык, был вором в законе и «держал» Юго-Западный сектор столицы.

За неимением знакомых судей, прокуроров и, на худой конец, адвокатов Каймаков отправился за советом к нему — бывшему однокашнику и товарищу по детским играм.

С год назад он уже обращался к Клыку. Тогда у Вовчика отобрали зарплату и поставили фингал под глазом; в милиции развели руками: примет не запомнил, свидетелей нет, вроде как сам и виноват. А Клыку свидетели не понадобились: пошептал что-то на ухо своему подручному, вроде как адъютанту, и все.

К вечеру оба грабителя пришли к Вовчику домой, принесли все, до копейки, деньги да еще две бутылки водки в знак примирения. Вовчик вначале мириться не хотел, а стал охаживать главного обидчика по морде, причем здоровенный хмурый урка сносил побои как должное — ни уклониться не пытался, ни руку поднять. Вовчик отмяк, плюнул, достал свою бутылку, и примирение состоялось, расстались друзьями.

Клык жил на пятом этаже панельной пятиэтажки. У входа в подъезд и на предпоследней площадке дежурили попарно молодые люди с отталкивающими физиономиями.

В квартире обстановка была еще более спартанской, чем у самого Каймакова. Клык сидел за круглым массивным столом, упершись локтями в изрядно пожженную и исцарапанную столешницу, и сквозь составленные трубочкой татуированные кулаки всасывал дым догорающей «беломорины». Сладковато-пряный запах анаши наполнял комнату.

— Что, опять кого-то накноцали? — не здороваясь, спросил Клык, и было заметно, что он чем-то недоволен.— А как моим людям жить? Им зарплату не повышают, профсоюза нету.. Если я у них буду хабар изо рта вырывать, то мне надо в ментовку оформиться!

Он нехорошо улыбнулся, и новый «адъютант» ощерился такой же скверной улыбкой.

— Да я не за тем...— Каймаков на миг пожалел, что пришел сюда.— Вот...

Он вытащил из продранного «дипломата» пакеты с кастетом и шилом.

Клык слушал внимательно, потом очень внимательно осмотрел содержимое пакетов.

— Вот это отдай Лещиле, пусть сделает анализ.— Клык двинул по столу пакет с шилом.— А это передай сам знаешь кому — на отпечатки.

«Адъютант» схватил оба пакета, сунул в сумку и выбежал из комнаты.

— А где прежний? — спросил Каймаков, чтобы заполнить паузу.

— Кто «прежний»? А-а-а... В десант пошел.

— В армию, что ли? — удивился Каймаков.— Ему ж под сок небось...

— В зону я его послал. Передать кое-что и споры ненужные прекратить.

— Как же он попал в зону? — продолжал удивляться Каймаков.— Туда же просто так не пускают.

Клык снова ощерился:

— «Как, как!» Очень просто: взял три года — и пошел по этапу.

— Ясно... А обратно как же?

— Через три года — обратно. Можно и раньше вытащить, но зачем? Там тоже дел много, а ему авторитет зарабатывать надо... Чифирь пить будешь?

Каймаков не успел отказаться, как с силой распахнулась входная дверь.

— Вернулись! — крикнул кто-то, и в комнату ворвались три здоровенных лба, радостных и сильно возбужденных.

— Все отдали, козлы! — Здоровяк с бритвенным шрамом на щеке бросил на стол чемодан и осекся, упершись взглядом в Каймакова. Клык небрежно махнул рукой.

Чемодан распахнулся. Он был набит туго обтянутыми полиэтиленом блоками пятидесятитысячных купюр.

— Все! Здесь арбуз с лихуем!

Человек со шрамом сбросил пальто и сдернул с плеча короткий автомат:

— Куда «дуры» девать?

— Брось пока на кушетку, Федька вернется — уберет.

Рядом с автоматом легли потертый «ТТ» и обрез крупнокалиберной двустволки.

— Напустили в штаны, гады,— процедил рыжий, заросший трехдневной щетиной парень.

Третий вошедший угрюмо молчал, не сводя тяжелого взгляда с Каймакова. Тому стало неудобно, и он заерзал на жестком стуле.

— Сходки испугались.— Клык добил косяк и находился в благодушном настроении.— Но через год-два наберут силу, и тогда не знаю... Пить будете?

— Жрать охота,— человек со шрамом гулко сглотнул.— В шашлычную ходим — и обратно.

Боевики ушли.

— Что, Сашко, никогда таких бабок не видел? — Клык ковырнул розовые блоки, вытащил один, взвесил на ладони.— Видишь, десять пачек. Считать умеешь?

— Все твое? — Голос у Каймакова почему-то был сиплым.

— Зачем оно мне? — Клык бросил пакет обратно и закрыл крышку.— Это благо воровское: на грев зоны, братве на помощь, на дела наши общие. Настоящему вору много денег не надо, он скромным быть обязан...

Клык вздохнул.

— Однако забываются законы наши, не нравятся многим молодым, особенно тем, кто на этих рогаметов кожаных, зоны не нюхавших, заглядывается.

Около часа рассуждал Вася Зонтиков о падении нравов в воровской среде, и в голосе его чувствовалась тоска по прошедшим временам. Потом вернулся «адьютант».

— На шиле...— он заглянул в скомканный листок,— клетки ткани сердечной мышцы. А здесь,— на стол со стуком опустил-ся кастет,— есть хорошие пальцы, но по ихней картотеке они не проходят.

Рядом с кастетом в пакете лежали прозрачные прямоугольнички с черными узорами папиллярных линий.

— Значит, и взаправду засадил в сердце? — удивленно спросил Клык.

— А ты что, не поверил?

Клык остро глянул и чуть дернул уголком рта:

— Если бы я всем сразу верил, то давно сгнил бы в яме....

Каймаков нервно сглотнул.

— Кастет не нашенский, его на заводе сделали, видно, из-за бугра...— закончил доклад «адъютант».

— Ладно, Федя,— Клык неопределенно махнул рукой.— Волены прибери, бабки пересчитай. Меченый сказал — больше миллиарда. Подбей приход, расход... На опий оставь сколько надо, остальное — в обшак. Хранителю. А тебе, Сашко, я так скажу: все эти дела — и мыло, и кастеты забугорные, и мафия твоя — к нам никакого отношения не имеют. Скорей на этих, «новых», похоже...

— Там участковый ждет, Платонов,— перебил Федя, аккуратно заворачивавший оружие в чистые тряпицы.

— Зачем участковый? — вскинулся Каймаков.

— Не боись,— хмыкнул Клык.— Надзор у меня. Должен ходить в ментовку отмечаться. Ну, а он сюда журнал носит, я прямо тут и расписываюсь. Уважают Васю Зонтикова!

И, резко изменив интонацию, продолжил:

— Сходи к Седому, я позвоню. Только называй его по имени-отчеству, они важные...

Выходя из квартиры, Каймаков обошел томящегося в ожидании на площадке лейтенанта с потертой планшеткой через плечо. Тот бросил на него срисовывающий взгляд.

В неприметной серой «Волге», стоявшей за углом соседнего дома, широкоплечий, с незапоминающимся лицом человек выключил запись:

— Миллиард! Вот гребут, суки!

— Да-а-а,— лениво протянул его напарник — неуклюжий увалень, развалившийся на сиденье.— Нам столько и не снилось.

— А если забрать его, послать Дронова к бениной маме и пожить как люди?